УДК: 781

ПАМЯТЬ СЕРДЦА: ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИРИНЕ НИКОЛАЕВНЕ БАРАНОВОЙ (К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Аннотация

В январе 2025 года исполнилось 70 лет со дня рождения И. Н. Барановой – музыковеда, чья жизнь была связана с Петрозаводской консерваторией. Ученица Ю. Г. Кона, Ирина Николаевна продолжала традиции основанной им в стенах консерватории научной школы, состоялась как авторитетный учёный и уважаемый педагог. В статье представлены воспоминания об И. Н. Барановой её друзей и коллег: Киры Иосифовны Южак, Елены Викторовны Титовой, Татьяны Суреновны Кюрегян, Рувима Ароновича Островского. Их память сохранила немало деталей и фактов, которые позволяют воссоздать облик Ирины Николаевны как учёного, учителя и человека, обладавшего комплексом редких морально-этических качеств.

Ключевые слова: И. Н. Баранова, Ю. Г. Кон, Петрозаводская консерватория, К. И. Южак, Е. В. Титова, Т. С. Кюрегян, Р. А. Островский

MEMORY OF THE HEART: MEMORIES (REMEMBRANCE) OF IRINA NIKOLAEVNA BARANOVA (FOR THE 70TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

Abstract

January 2025 marked the 70th anniversary of the birth of I. N. Baranova, a musicologist whose life was connected with the Petrozavodsk Conservatory. As a student of Yu. G. Kon, Irina Nikolaevna became a follower of the traditions of the scientific school, which he founded within the walls of our university, established herself as an authoritative scientist and respected teacher. The anniversary was the reason for the publication of memoirs about Irina Nikolaevna, which belong to her friends and colleagues: Kira Iosifovna Yuzhak, Elena Viktorovna Titova, Tatiana Surenovna Kyuregyan, Reuven Aronovich Ostrovsky. Their memory has preserved many details and facts that allow us to recreate the image of I. N. Baranova as a scientist, teacher and a person with a complex of rare moral and ethical qualities.

Keywords: I. N. Baranova, Yu. G. Kon, Petrozavodsk Conservatory, K. I. Yuzhak, E. V. Titova, T. S. Kyuregyan, R. A. Ostrovsky

Фото № 1

Ирина Николаевна Баранова. Начало 2000-х

Хельсинки

Хельсинки

Париж. Сорбонна
(с И. Н. Горной)

19 января 2025 года исполнилось 70 лет со дня рождения замечательного педагога и авторитетного музыковеда Ирины Николаевны Барановой (1955–2011), чья деятельность неразрывно связана с Петрозаводской консерваторией: здесь она трудилась почти тридцать лет, двадцать из которых заведовала кафедрой теории музыки и композиции.

Ирина Николаевна была исключительным человеком. Её бесконечно любили студенты, уважали и очень дорожили её дружбой коллеги, её имя было хорошо известно в научном сообществе, взгляды и принципы служили ориентиром в жизни и профессии.

Являясь выпускницей кафедры теории музыки и композиции Петрозаводского филиала Ленинградской консерватории (1980), Ирина Николаевна в своей научной и педагогической деятельности следовала традициям, заложенным первым поколением преподававших здесь музыковедов: Юзефом Гейгмановичем Коном и Ольгой Александровной Бочкарёвой, Кирой Иосифовной Южак и Анатолием Павловичем Милкой и др. Комплекс редких че-

ловеческих качеств, исследовательская интуиция, методическое мастерство помогли ей сохранить и передать своим ученикам букву и дух научно-педагогической школы, которая сложилась в стенах нашего вуза и определяется за его пределами как «школа Кона»[1].

Научное наследие И. Н. Барановой составляют две монографии[2] и около пятидесяти статей[3]. Бесконечные административные хлопоты[4], постоянная забота о дипломных работах многочисленных учеников[5], а позже – серьёзный недуг, которому она мужественно противостояла почти десять лет – всё это помешало в полной мере реализоваться замыслам, занимавшим её в последние годы[6]. Опубликованные труды Ирины Николаевны демонстрируют основные черты её научного стиля: строгую логику мышления, стремление к ясности и простоте формулировок, а главное – умение соотносить все аналитические наблюдения с живой музыкальной интонацией.

Настоящая публикация представляет собой попытку зафиксировать черты неповторимого облика Ирины Николаевны, которые бережно хранит память её друзей и коллег: Киры Иосифовны Южак, Елены Викторовны Титовой, Татьяны Суреновны Кюрегян, Рувима Ароновича Островского. Их

[1] Особенности научной, методической, педагогической деятельности И. Н. Барановой получили освещение в статье И. В. Копосовой «Продолжая дело Кона: штрихи к портрету И. Н. Барановой» (Музыкальный журнал Европейского Севера. 2020. № 3. С. 35–46).

[2] Монографии были выпущены в Санкт-Петербурге в течение десятилетия: первая – Особые экспозиции в сонатной форме XIX века. СПб., 1999. 191 с.; вторая – Татьяна Воронина : Параллельные миры музыканта. СПб. : ИП Мацкевич Д. А., 2008. 139 с.

[3] Их перечень находится на личной странице И. Н. Барановой, расположенной на сайте Петрозаводской консерватории: https://glazunovcons.ru/conservatory/history/istoriya_v_licah/irina_nikolaevna_baranova/.

[4] Ирине Николаевне пришлось руководить кафедрой в непростые годы, на которые выпали и смена поколений в педагогическом составе, и неоднократные изменения в администрации вуза, и внедрение бакалавриата и новых образовательных стандартов.

[5] С 1987 по 2011 год из класса И. Н. Барановой выпустились 50 студентов (дипломные работы последних четырёх из них были защищены в год её смерти и завершались при участии педагогов кафедры).

[6] Один из них – монография о симфониях Сибелиуса. На страницах «Музыкального журнала Европейского Севера» был опубликован её небольшой фрагмент: Баранова И. Н. Первая симфония Сибелиуса (аналитический очерк) // Музыкальный журнал Европейского Севера. 2015. № 3. С. 17–32.

воспоминания прозвучали в ходе Открытого заседания кафедры теории музыки и композиции Петрозаводской государственной консерватории имени А. К. Глазунова, которое состоялось 4 марта 2021 года и было посвящено десятой годовщине со дня смерти И. Н. Барановой.

Фрагменты этих выступлений мы приводим ниже.

КИРА ИОСИФОВНА ЮЖАК

(доктор искусствоведения, профессор Санкт-Петербургской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова)

Ирина Николаевна, или просто Ира Баранова, Ирочка, Иронька, у меня не училась. В годы её студенчества нам общаться не приходилось. Но я знала, что это та студентка, которой не нужно что-то говорить дважды: если Юзеф Гейманович Кон или Ольга Александровна Бочкарёва рекомендовали ей посмотреть какую-то работу, само собой разумелось, что к следующему уроку эта книга или статья будет уже прочитана и обдумана.

А первый наш профессиональный контакт был связан с защитой дипломной работы Ирины Николаевны: мне предстояло её рецензировать[7]. И когда я только взяла в руки эту работу, сразу почувствовала: она сделана с любовью. Уже потом я узнала, что её печатала мама Ирины Николаевны, которая была профессиональной машинисткой. По-видимому, тут сошлось всё – и то, что Ирина Николаевна вложила в свой труд, и то, как постаралась её мама. В итоге дипломную работу было удивительно приятно держать в руках и читать.

[7]Дипломная работа на тему «Принцип симметрии в композиторской технике Б. Тищенко (на примере фортепианных сонат №№ 4–6)» была написана в классе Ю. Г. Кона и защищена в 1980 году.

Фото № 2
И. Н. Баранова (вторая слева) с однокурсницами по консерватории на о. Кижи

Позже Ирина Николаевна приехала в Питер поступать в аспирантуру Ленинградской консерватории[8]. Так получилось, что пока шли приёмные экзамены, она жила у меня. Вообще-то к ученикам я обычно прикипаю, как к родным детям, но Ирочка у меня не училась и «своей» не была. К тому времени, когда она появилась у меня в доме, я уже давно привыкла жить одна. Но странное дело: гостьи в доме я не замечала! Понимаете, живёшь в доме не один – и не замечаешь этого, не осознаёшь... Она находится в соседней комнате, усердно занимается, а ты не чувствуешь, что рядом с тобой есть кто-то ещё… Это поразительное умение быть незаметной! Что ещё было удивительно? Вот, к примеру, утром она жарит оладушки. Они очень вкусные, в них всего в меру, и соли, и сахара, и приготовлено ровно столько, чтобы хватило на добавку, но не оставалось на потом. Какое-то совершенно потрясающее чувство меры!

Об аспирантском периоде Ирочки очень важным, мне кажется, одно воспоминание. Бывая дома (между поездками в Петроской/Петрозаводск[9]), я старалась попадать на лекции Екатерины Александровны Ручьевской. Обыч-

[8] Обучение в аспирантуре под научным руководством кандидата искусствоведения, доцента кафедры теории Р. Г. Лаула продолжалось с 1980 по 1983 год.

[9] На протяжении почти 40 лет, с 1973 года К. И. Южак жила на два города и совмещала работу в Ленинградской консерватории и её Петрозаводском филиале, где вела курс полифонии и спецкласс.

но на них присутствовало человек 5−7 студентов, и каждый раз я видела разные лица. Но два лица были постоянно одни и те же: Ира Баранова и её соседка по общежитию. Эти двое *слушали курс Ручьевской*, остальные захаживали от случая к случаю.

По окончании аспирантуры Ирочка приступила к работе в Петрозаводской консерватории[10]. Вот тогда я впервые услышала (даже помню, от кого: от Аллы Гладышевой, прелестной девочки, ученицы Кона) выражение «стоять на ушах»: студенты «стояли на ушах» – то есть были в неописуемом восторге – от Ирины Николаевны Барановой. Потом одна из девочек того курса, которому Ирина Николаевна начала читать анализ, сказала мне с совершенно счастливым выражением лица: «Если бы вы знали, ка́к она нас слушает!». Это замечательно: педагог, который учит слушать, умеет слушать сам…

Было ясно, что к ней потянутся студенты по специальности. В этой ситуации всегда есть возможность – или соблазн? – выбирать более интересных, перспективных учеников. Но Ирина Николаевна сказала себе: «Никогда не выбирать, брать в класс всех, кто попросится». Поэтому бывали курсы, на которых у неё было по четыре выпускника, и всех она умела научить. У Ирины Николаевны было совершенно потрясающее чувство долга!

Пожалуй, принцип «никогда не выбирать» был единственным, который она озвучила, об остальных же не говорила, но они очевидны: не вредить, не мешать, не заслонять. Она никогда не выдвигалась вперёд, скромно держалась в стороне, а при этом делала всё и помогала, поддерживала всех, кого надо поддержать.

Заведовать кафедрой Ирина Николаевна категорически не хотела, но Юзеф Гейманович нашёл какие-то доводы и уломал её. На этом посту она делала всё, что нужно, и притом наилучшим образом.

[10] Работу на кафедре теории музыки и композиции Петрозаводского филиала Ленинградской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова Ирина Николаевна начала в 1983 году.

Фото № 3

Ю. Г. Кон, И. Н. Баранова, И. В. Коженова, Р. А. Островский. Хельсинки. 1995 год

Юзеф Гейманович, уже будучи смертельно больным, в какой-то момент сказал ей: «Вообще-то докторскую диссертацию можно сделать за полтора года». Позже, где-то перед защитой, Ирина Николаевна призналась: когда она поняла, что у неё и тема сложилась, и материал есть, она проделала эту работу ровно за полтора года. Она не брала никакого отпуска, на ней продолжала лежать кафедра, она работала с людьми, проводила конференции и междисциплинарные семинары[11]; не хочется вспоминать, сколько разного падало ей на голову… А при этом вставала каждый день в шесть утра и писала. И так же, как когда-то в аспирантуре она готовила свою кандидатскую диссертацию, принося еженедельно на урок Рейну Генриховичу Лаулу пять страничек текста, которые потом превратились в прекрасную работу, она выполнила и своё докторское исследование[12].

[11] Междисциплинарные семинары памяти Ю. Г. Кона и П. А. Руднева ежегодно проводились в Петрозаводске с 1998 по 2002 год. Ирина Николаевна принимала активное участие в их организации и издании сборников материалов.

[12] Докторская диссертация «Характеристические черты сонатной формы XIX века» была защищена в Ленинградской консерватории в 1999 году.

Одним из трёх её оппонентов была Алла Константиновна Кенигсберг[13]. Ирина Николаевна просила её об этом через меня; и когда мы с Аллой Константиновной спустя какое-то время случайно встретились в консерваторском коридоре, она принялась горячо меня благодарить: «Спасибо Вам за такую работу! Я думала, это будет сухой теоретический текст, а оказалось, что это же всё о музыке!».

И на прощанье: после кончины Юзефа Гейгмановича[14], в первый же день его рождения, мы провели в петербургском Доме композиторов заседание (по сути, конференцию) в память об этом выдающемся музыканте, учёном и редкостном человеке[15]. Ирина Николаевна согласилась выступить. Она не поднялась на эстраду, даже не вышла к ней (мы сидели в передних рядах, справа), а прямо с места встала и рассказала всего один, но чрезвычайно показательный эпизод, связанный с годами её учёбы в аспирантуре. В один из своих приездов в Петрозаводск Ирочка пришла к Юзефу Гейгмановичу; он готовил к сдаче в издательство очередную свою статью. Естественно, Юзеф Гейманович спрашивает о столичных новостях, Ирочка в ответ начинает рассказывать об изменениях в ГОСТе по оформлению литературы – и почти моментально рука Кона побежала по списку и начала что-то править. Мы же знаем, каково осваивать эти ГОСТы! Всего один факт, одна деталь, но сразу ясно: ка́к чётко передано и ка́к мгновенно понято и взято на вооружение!

Ирочка была левшой, но одинаково хорошо владела обеими руками: писала правой, а резала левой. Известно, что таким людям присуще совершенно особое чувство меры. Оно у Ирочки проявлялось абсолютно во всём. Она всегда могла понять и поддержать, она всегда была какой-то удивитель-

[13] Кенигсберг А. К. (1931–2021) – музыковед, доктор искусствоведения, профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. Автор целого ряда исследований, посвящённых западноевропейской музыке XIX века.

[14] Ю. Г. Кон скончался 12 ноября 1996 года.

[15] На этом, состоявшемся в марте 1997 года, заседании прозвучали доклады А. П. Милки, Л. Г. Ковнацкой, М. А. Лобанова, В. А. Лапина, Б. А. Каца, Т. С. Бершадской, А. И. Климовицкого. Годом позже статьи по их материалам были опубликованы в мемориальной рубрике «Музыкальной академии» (№ 3 за 1998 год).

но тёплой и надёжной опорой… Она у меня не училась, а в жизнь мою вошла прочно. Я постоянно её вспоминаю, и все эти годы мне её очень недостаёт.

ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА ТИТОВА
(кандидат искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой теории музыки Санкт-Петербургской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова)

Очень трудно говорить об Ире в прошедшем времени… Хотя с того момента, как она ушла, прошло уже много времени, мне памятно практически всё, что с нею связано, буквально от нашей первой встречи.

Мы познакомились больше 40 лет назад при поступлении в аспирантуру Ленинградской консерватории. Из тех, кто поступал тогда, четверо были её выпускники, а Ира была пятой. И не знаю откуда, но к началу экзаменов мы точно знали, что она – надежда кафедры теории музыки и композиции Петрозаводской консерватории, и ей прочат большое будущее... Тогда нам было уже хорошо известно, что такое кафедра теории музыки Петрозаводской консерватории, мы хорошо знали её заведующего, Юзефа Гейгмановича Кона, понимали его величину, бегали на доклады, которые он читал в Ленинградском Союзе композиторов. И нам было очень любопытно, какова же она, возможная преемница Кона...

При первой встрече Ира нас очень поразила: она была на редкость скромная, хрупкая, тонкая и деликатная, с характерным грассирующим говором. Первым был экзамен по гармонии, мы проиграли друг другу написанное. Её работа была образцовой и удивила нас своим профессионализмом и естественностью.

Мы очень подружились всем курсом, и Ира заняла среди нас лидирующую позицию. Она всегда всё знала, постоянно напоминала о лекциях и конференциях, настраивала на деловой лад, нередко что-то нам объясняла. Например, вспоминается, как она впервые рассказывала про свою кандидатскую диссертацию и очень заинтриговала тем, что у Асафьева существует

идея о едином принципе, который определяет существо музыкальной композиции. На вопрос «каков же он?» последовал ответ: «Это – симметрия». Увидев недоверие на наших лицах, она принялась убеждать в многообразии принципов симметрии, с увлечением рассказывая о каждом из них...

Фото № 4

С Е. В. Титовой после окончания аспирантуры.
Санкт-Петербург. 1983 год

Я хорошо помню обе её защиты, особенно защиту докторской диссертации. На ней Ира уже выглядела большим учёным. У неё была образцовая, блестящая аналитическая работа, такие сейчас большая редкость. Хотя диссертация заслужила много всяких похвал, как самую главную я запомнила характеристику Екатерины Александровны Ручьевской. Она сказала, что эта диссертация напомнила ей полевую работу этнографов, тружеников, которые на поле аналитики умеют собрать факты, много фактов, и, систематизировав их, представить своё видение, свою концепцию. Хотя, на первый взгляд, эта параллель казалась неожиданной, она точно схватывала суть. Ведь Ира такой и была: основательной, блестящим аналитиком и музыкантом. По-моему, она помнила всё, и когда рассказывала мне про особые сонатные экспозиции, то демонстрировала просто поразительное владение материалом.

Конечно, я очень благодарна ей за приглашение в Петрозаводскую консерваторию в качестве председателя ГЭК[16], это я рассматривала для себя как возможность поучиться. Я со вниманием наблюдала, как она вела себя на заседаниях государственной экзаменационной комиссии. Она всегда брала удар на себя. Ей было свойственно умение найти точный ориентир для выхода из сложившихся непростых ситуаций. Ещё одна её особенность – чрезвычайно внимательное, доброжелательное отношение ко всем выпускникам, ко всем коллегам. Я старалась что-то перенять, взять для себя и даже принести в свою консерваторию. Вот, например, смотры дипломных проектов, которые сейчас регулярно проходят у нас в Петербурге, это – идея петрозаводчан, большая признательность за неё Ире.

Фото № 5

И. Н. Баранова и Е. В. Титова (сидят крайние слева) с выпускниками и коллегами. Петрозаводск. 2009 год

Для меня лично каждый приезд в Петрозаводск был ещё одной возможностью пообщаться с Ирой, и так сложилось, что во многом именно с ней теперь связан для меня этот город...

Как мне кажется, годы, прошедшие с момента ухода Ирины Николаевны, позволяют нам в полной мере осознать её величину и значение для нас и

[16] В качестве председателя государственной экзаменационной комиссии Елена Викторовна приезжала в Петрозаводск неоднократно и в 1990-е, и в 2000-е.

для родного вуза. Если попытаться определить жизненную позицию Ирины Николаевны, наверное, можно сказать, что она – подвижник. А всё, что ею сделано, передаёт такое понятие, как служение. Служение нашему музыковедческому делу, служение профессии, служение родной консерватории…

ТАТЬЯНА СУРЕНОВНА КЮРЕГЯН

(доктор искусствоведения, профессор Московской консерватории имени П. И. Чайковского)

Так случилось, что консерватория в Петрозаводске сопровождает меня с ранней молодости. Моя ближайшая подруга[17] в 1969 году поступила сюда учиться, в филиал Ленинградской консерватории на фортепианный факультет, и я бывала у неё ещё в том общежитии, которое располагалось в стенах учебного корпуса. Потом она стала преподавателем, и я прекрасно прижилась у неё в современном общежитии, на Московской, ну и так далее… Поэтому мне кажется, я знаю Петрозаводскую консерваторию лучше, чем многие-многие нынешние молодые преподаватели. Я помню те времена, когда Анатолий Павлович Милка был начинающим педагогом, и никогда не забуду байки студентов, которые с восхищением рассказывали о его приёмах обучения; помню из рассказов подруги, что Кира Иосифовна Южак была её соседкой по общежитию, хотя тогда я Киру Иосифовну не встречала…

Это было время студенчества, а гораздо позже мне довелось познакомиться с Кирой Иосифовной совсем в другой обстановке и при других обстоятельствах. Я уже работала в Московской консерватории, и вдруг Кира Южак явилась ко мне на курсы повышения квалификации, изучать григорианский хорал. Я, конечно, была наслышана о ней, читала её работы и понимала весь масштаб этой фигуры. Можете себе представить, каково мне было

[17] Татьяна Петровна Золотова (1950–1992) окончила Петрозаводский филиал Ленинградской консерватории в 1974 году (класс В. И. Архипова) и затем работала на кафедре общего курса фортепиано.

получить такую слушательницу! Эта встреча подарила мне счастье нашего общения, которое сопровождает меня всю последующую жизнь и даёт такую опору, поколебать которую невозможно. Так вот, это Кира Иосифовна привела меня в Петрозаводскую консерваторию во второй раз уже в другом качестве.

Она не раз говорила мне: «Там есть Ирочка Баранова, мне кажется, вы очень подружитесь!» И это оказалось совершенно так, потому что кроме профессиональных контактов, которые к нашему обоюдному удовольствию всё крепли и крепли, и мы находили друг в друге важные для себя вещи, в последние годы, как мне кажется, возникли уже тесные дружеские отношения, которых мне страшно не хватает до сих пор.

Фото № 6

И. Н. Баранова. Петрозаводск. 1999 год

По сей день, без всяких дат, часто вспоминаю: «А вот Ира сделала бы так. А вот с этой ситуацией она так-то справлялась». Тот принцип «не выбирать», о котором вспоминала Кира Иосифовна, он же оборачивался каким-то безумным количеством студентов. У Ирины Николаевны в классе было их столько, сколько у меня и близко быть не могло! Потому, когда мучаешься с очередной дипломной работой, которую кажется не вытянуть, нередко думаешь: «А как же она-то справлялась? Их же сколько у неё было!».

Я помню свой приезд в Петрозаводск в начале 2000-х в качестве председателя Государственной комиссии[18]. Забыть это невозможно в силу разных причин. Во-первых, здесь себя сразу как-то хорошо чувствуешь: спокойно, уютно и уверенно. Ирина Николаевна обладала редкой способностью незаметно подстраховать, подсказать, подсунуть нужный листочек, когда ты вдруг забыл что-то такое... И вообще, вся обстановка на экзаменах была просто замечательной, когда ты чувствуешь себя среди заинтересованных людей, понимаешь, что можно, не боясь, обсудить какие-то неочевидные вещи, что всё правильно будет понято. Это такое редкое счастливое профессиональное ощущение от нахождения среди близких по духу людей!

Знаете, что меня поразило ещё кроме такой вот идеальной организации и атмосферы? Поразил уровень оформления дипломных работ. Вроде мы все стараемся об этом думать, заботимся об этом. Но тогда мне показалось, что петрозаводские дипломные работы оформлены идеально, я таких у нас не видела!

Оказалось, к тому времени уже появилась на свет замечательная брошюрка Ирины Николаевны, в которой было схвачено всё самое-самое необходимое в плане того, как оформлять эти работы, почти что шпаргалка, как это надо делать[19]. И хотя наверняка преподаватели вкладывали в оформление какие-то свои усилия, по-видимому, она замечательно работала. Это было сильное впечатление, потому я об этом и сейчас так говорю.

Я всегда отдавала себе отчёт в важности подобных вещей, но не подозревала, что вполне реально добиться того, чтобы у всех подряд студентов работы (вне зависимости от их уровня) были оформлены как положено. И когда я выразила изумление по этому поводу, Ирина Николаевна сказала: «Как же иначе? Должно быть и оно есть».

[18] Это случилось в 2003 году.

[19] Речь идёт о методическом пособии «Рекомендации по написанию курсовых и дипломных работ», которое Ирина Николаевна составила и издала в Петрозаводске в 2001 году.

Потом хочу сказать о её отношении к ученикам. Хотя, конечно, я не о многих знала. Но о двух её ученицах знала немало. Как-то разносторонне Ирина Николаевна говорила о них. И главная её беда была в том, что она не могла понять, кто из них лучше? Ирина Владимировна или Екатерина Гурьевна[20]? И когда разговор начинался на эту тему, она говорила: «Да, ну вот у этой есть то-то и то-то, но зато у этой – другое». Она с такой любовью о них говорила, а больше всего её восхищал тогда их интерес к нашему делу. Само собой разумеющимся было то, что они могут и способны, что они готовы трудиться, но вот то, что им интересно всем этим заниматься, вызывало в ней какое-то особое эмоциональное ощущение.

Почему я об этом сейчас говорю? Потому что это уже был период её болезни; и хотя казалось, что она отступила и опасность уже позади, Ирина Николаевна всё равно думала о преемниках и говорила: «Нет, конечно, им ещё рано, они ещё маловаты, мне нужно ещё продержаться, чтобы потом передать кафедру в нужные руки». Думаю, что если сейчас она нас видит, то должна быть очень довольна сложившимся положением дел. Ведь это удивительное стечение обстоятельств, что ей удалось создать такой дуэт, когда уже и выбирать не надо, кто лучше: Катя или Ира.

Ещё хочу сказать про совсем трудные последние времена… О том, как она держалась, даже в свой последний год, когда было совсем плохо. Она как-то мне сказала: «Я философски ко всему отношусь». Ирина Николаевна всё прекрасно понимала и была ко всему готова…

Её природная деликатность, которую сегодня все вспоминают, помогала ей держаться так, что все чувства, возникающие в общении с тяжело больным человеком, – дикая неловкость, отчаяние, непонимание, что надо сказать, – сами собой смягчались. Она умела повернуть разговор так, будто ни-

[20] Ирина Владимировна Копосова, в настоящий момент – заведующий кафедрой теории музыки и композиции, и Екатерина Гурьевна Окунева, руководившая кафедрой с момента кончины Ирины Николаевны в 2011 году до 2018 года; обе учились у неё в аспирантуре и написали под её руководством свои кандидатские диссертации.

чего особенного не происходит. Но сами знаете, когда ситуация практически безнадёжная, так трудно бывает понять, о чём говорить, что спросить, – иной раз почти невозможно. Она же сохраняла такой тон, что ты просто радовался возможности с ней разговаривать, не ощущая хотя бы в тот момент ужасного чувства вины и бессилия… Её стойкость и способность принять то, что суждено, способность сделать всё, что в подобной ситуации нужно, чтобы обеспечить после себя нормальную работу, – это тоже часто вспоминается. Обо всём этом часто думаешь, как о каком-то примере…

Поэтому, хотя я понимаю, что Ирина Николаевна – большой профессионал, сделавший для Петрозаводской консерватории очень много, решусь сказать, что для меня она – дорогой человек, потерять которого было очень больно. И горечь утраты не покидает меня до сих пор.

РУВИМ АРОНОВИЧ ОСТРОВСКИЙ

(кандидат искусствоведения, профессор Московской консерватории имени П. И. Чайковского)

Что бы я хотел сказать? Вы знаете, пройдя земную жизнь уже гораздо дальше, чем до середины, я ощущаю, что пребываю в двух кругах. Один – это круг повседневного общения, люди, с которыми ежедневно сталкиваешься: любимые и не очень любимые, приятные и не совсем приятные. А есть другой круг, он тесно соприкасается с первым, но существует с ним как бы в параллельном измерении. Это круг избранных, уже покинувших земную юдоль. Они продолжают постоянно наполнять собой мою жизнь, общение с ними не прекращается вопреки их физическому отсутствию. Эти люди настолько мощно присутствуют в моём существовании, что даже не знаю, какой из двух этих кругов для меня более реальный.

Круг избранных, конечно, не вбирает в себя всех, кто прошёл жизненными путями поблизости, кто покинул землю, о ком печалился, о ком сокрушался. Это самые-самые дорогие, самые нужные: родители, ближайшие род-

ственники, учителя. И вот в этом пантеоне Ирина Николаевна для меня один из самых дорогих образов, не только потому, что я бесконечно многим ей обязан. Помимо пожизненной человеческой любви и благодарности к ней, я считаю её неким ориентиром, эталоном, который направляет мои мысли и чувства всё то время, что я продолжаю с ней очень-очень часто соприкасаться. Это говорится, поверьте, не просто ради красного словца, это правда. В общем, редкий день проходит без того, чтобы она как-то не всплыла в сознании.

Мне кажется, что любой из смертных неповторим, каждый наделён своими неповторимыми чертами, эта неповторимость разная, у кого-то она более привлекательная, у кого-то менее привлекательная, но вот оглядываясь на свою жизнь, я понимаю, что, пожалуй, мне никогда не приходилось встречать такого удивительно гармоничного ума, которым обладала Ирина Николаевна. Ума профессионального, который в очень большой степени проявлялся в её научных трудах, в педагогических работах, в администрировании на посту заведующей кафедры теории музыки и композиции.

Ума, который сполна проявлялся и в повседневной жизни, причём подчас этот ум казался какой-то нездешней, несуетной мудростью, которая успокаивала любые случавшиеся вокруг треволнения. Ума души, проявлявшегося в тонкости и тактичности, об этом уже было много сказано, и это действительно одна из первых черт, которые вспоминаются при мыслях об Ирине Николаевне. И, наконец, какой-то высочайшей этически-моральной планки, которую являла собой вся её жизнь.

Мне доводилось пересекаться с Ириной Николаевной на самых разных территориях, при разных обстоятельствах: с глазу на глаз в её квартире на Древлянке; на столь нами любимой, незабвенной «базе» у Конов, на их девятом этаже[21]. На первом этаже у других наших старших друзей, подаренных

[21] Квартира Ольги Александровны Бочкарёвой и Юзефа Гейматовича Кона на Октябрьском проспекте, д. 26 была местом, где традиционно собиралась петрозаводская интеллигенция: преподаватели консерватории, университета, близкие хозяевам дома люди.

мне Ириной Николаевной, у Гинов – Софьи Михайловны Лойтер[22] и Иосифа Михайловича Гина[23], родителей безвременно ушедшего из жизни друга Ирины Николаевны, выдающегося филолога-лингвиста Якова Гина[24]. Их она преданно, нежно и верно все годы после его кончины навещала, и я ей очень признателен за то, что она меня ввела в этот дом.

Фото № 7

Стоят: М. А. Матюхина (вдова Я. И. Гина), И. М. Гин, И. Н. Баранова. Сидят: С. М. Лойтер и Н. Ю. Гродницкая. Петрозаводск. 19 января 2010 года

Мы виделись с ней в разных городах: не только в Петрозаводске, но в Москве, в Петербурге… В связи с этим, пожалуй, больше всего памятны два момента. Один – это всё та же защита докторской диссертации, на которой я имел счастье присутствовать. Абсолютно праздничная, триумфальная, безо всякой патоки, а в силу какой-то высшей справедливости, коллегиального восхищения тем трудом, который был представлен. И ещё одна гораздо более интимно-камерная встреча: мы как-то вдвоем с ней были в Ахматовском му-

Подробней об этом см.: Копосова И. В., Талицкая Т. М. Ольга Александровна Бочкарёва: эскиз портрета // Музыкальный журнал Европейского Севера. 2024. № 3. С. 1–18.

[22] Софья Михайловна Лойтер (р. 1934) – фольклорист и литературовед, доктор филологических наук, профессор Петрозаводского университета. Область научных интересов связана с детской литературой и фольклором, а также с народной словесностью, фольклором Карелии и Русского Севера. Автор более 200 научных работ.

[23] Иосиф Михайлович Гин (р. 1931) – филолог и литературовед, выпускник Петрозаводского университета, автор более 150 статей, эссе, рецензий, опубликованных в карельских изданиях: журналах «Север», «Пуналиппу»; газетах «Комсомолец», «Ленинская правда», «Лицей» и др.

[24] Яков Иосифович Гин (1958–1991) – литературовед, филолог, кандидат филологических наук, доцент, выпускник Петрозаводского университета, ученик П. А. Руднева и З. К. Тарланова, автор ряда статей и монографии «Поэтика грамматического рода».

зее на Фонтанке. И вот то, как она внимала тому, что рассказывали экспонаты этого музея, произвело на меня тоже совершенно незабываемое впечатление. Это острота реакций, удивительная чуткость видения и понимания, немедленного выстраивания какой-то целостной линии. А ещё очень памятна наша совместная поездка в Хельсинки на Сибелиусовский конгресс в 1995 году.

Так вот, во всех этих обстоятельствах я не помню ни одного мгновения, где в присутствии Ирины Николаевны было бы неловко, где хоть какое-нибудь её слово, хоть какой-нибудь её жест, хоть какое-нибудь её поползновение были бы хоть в малейшей, в мельчайшей степени неуместны. Ей было присуще особое чувство меры, поразительной мудрой уместности и улавливания именно того, что сейчас самое естественное, органичное и нужное. Это, пожалуй, абсолютно несравненно. Я такого уровня этого свойства больше не встречал.

Я помню свой последний разговор с Ириной Николаевной, он был в день её рождения, 19 января 2011 года. Я её поздравил, а она мне перезвонила сама. Это был весьма необычный жест. И всё было именно так, как Татьяна Суреновна и описала: после нашего разговора было ощущение, что всё ещё не так страшно. Когда же вскоре оказалось, что наступило самое страшное, это было подобно грому среди ясного неба, хотя, казалось, всё к этому шло и всё вроде бы было известно…

Фото № 8

И. Н. Баранова. Петрозаводск. 1999 год

Вообще, мне кажется, что свою до боли, до какого-то кричащего протеста, несправедливо оборвавшуюся так рано жизнь Ирина Николаевна прожила невероятно цельно и наполненно. Она, действительно, служила не только людям и делу, но ещё и будущему, являя тот высокий пример подлинности, который спустя годы остался, как я вижу, нетленным и сейчас. И вот та жертва, которой стала её жизнь, жертва, обернувшаяся неким ориентиром, высочайшим эталоном, она, разумеется, отнюдь не напрасна.

(Подготовка к публикации – И. В. Копосова)

Получено: 25.03.2025
Принято к публикации: 30.03.2025
Дата публикации: 04.04.2025

Received: 25.03.2025
Accepted: 30.03.2025
Accepted: 04.04.2025